

★ В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРУ ★

34218

Р. Ю. Вилнер

ИВАН IV

МОСКВА · 1945

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ СОВНАРКОМЕ РСФСР

Центральное лекционное бюро

В помощь лектору

Академик
Р. Ю. ВИППЕР

Иван IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БИБЛИОТЕЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1945

Настоящая брошюра академика Р. Ю. Виппера представляет собой обработанную стенограмму лекции, прочитанной в Москве для интеллигенции, и предназначается для лекторов в качестве одного из пособий по теме «Иван IV».

Тему своей лекции академик Р. Ю. Виппер ограничил только тем кругом вопросов, которые выясняют несостоятельность русской историографии XIX века в оценке роли Ивана IV. Вместе с тем, на основе анализа новых исторических документов лекция дает верную характеристику заслуг и роли Ивана Грозного в создании великой русской державы.

К лекции приложен краткий список литературы, включающий также и художественные произведения, отрывки из которых могут быть использованы в лекции в качестве иллюстративного материала.

Мы все хорошо знаем, что историческая наука призвана служить объяснению современной действительности. Никто, однако, не будет спорить, что историк, в свою очередь, должен учиться из книги жизни, должен искать вдохновения в окружающей его действительности, в переживаемых всем человечеством мировых событиях.

Подумайте только, что мы видели и испытали в последние 27 лет! Великая Октябрьская Революция и защита ее достижений в гражданской войне открыли нам во всей полноте величие русского народа, его военную мощь, его патриотическое воодушевление. Эта гениальная военная одаренность русского народа обнаружилась перед всем миром в Великой Отечественной войне

1941—1945 годов. Переживаемая всеми нами современность поставила перед исторической наукой новую важную и неотложную задачу: надо пересмотреть всю национальную военно-политическую историю русского народа, найти в его прошлом проявления его военного гения, показать, что все его историческое развитие составляет непрерывное движение вперед, могучую поступь в борьбе за свободу и справедливость, за национальную независимость, за создание великого многонационального государства.

Нам, историкам, предстоит трудная, но глубоко увлекательная задача. Мы должны тщательно пересмотреть документы нашей истории, исправить ошибки и недосмотры, которые были допущены в русской историографии, восстановить заслуги забытых или недостаточно оцененных деятелей русской истории.

В числе неверно понятых явлений истории русского народа первое место занимает эпоха и деятельность Ивана Грозного (1533 — 1584). Значение этой эпохи, исключительной по важности для развития великой державы русской, значение ее важнейшего деятеля недостаточно осознаны русским обществом.

У нас еще до сих пор не изжиты односторонние взгляды, которые высказывались

историками XIX века. До сих пор еще не исчезло представление об Иване IV, как человеке поверхностном, лишенном такта политического деятеля, как о правителе, который чрезмерно отдавался личным причудам, воевал с призрачными врагами. Это представление завещано потомкам летописцами той эпохи, памфлетистами и мемуаристами XVI века, и больше всего, может быть, князем Курбским. А про Курбского — что можно сказать? Это был реакционер, изменник, который из своего литовского убежища посылал ядовитые стрелы по адресу московского правителя. Историки XIX века придавали слишком много значения жалобам феодальной оппозиции на беспощадную расправу с ней Ивана Грозного.

Рассказы современников о спорах, столкновениях со знатными боярами, о казнях — оналах — заслоняли от историков широкий размах деятельности крупнейшего военного организатора, завоевателя и дипломата XVI века и умаляли его роль в создании великой Московской державы.

Мне хочется изложить несколько документальных доказательств в пользу более правильного понимания исторической роли Ивана Грозного.

Я напомню, прежде всего, самые элементарные факты роста великой Московской

державы во второй половине XVI века. До 1552 года, когда была взята Казань, Московское государство сосредоточивалось в бассейне верхней Волги и Оки с прибавлением Новгородской области и малолюдного Северного Поморья. Из четырех морей, окаймлявших Русскую равнину — Белого, Каспийского, Черного и Балтийского, — это государство граничило только с первым — северным, недоступным для навигации три четверти года. Пограничными городами Московского государства в XVI веке были: на западе — Новгород, Псков, Смоленск, на юге — Калуга, Тула, Рязань, на востоке — Нижний Новгород (Горький), Вятка (Киров).

В течение 30 лет, от 1552 г. до 1582 г., происходит расширение русской державы путем войн и переселений, примерно, втрое или вчетверо. Завоевание Казани и Астрахани сразу присоединяет к Москве все среднее и нижнее Поволжье, т. е. дает доступ к Каспийскому морю и открывает возможность сношений со Средней Азией, Персией, Индией и Китаем. Это огромное расширение отодвигает юго-восточную границу до Терека, и с этой реки 6 лет спустя Иван Грозный вызывает конницу татарскую, мобилизует ее в дальнюю войну с Ливонией. В направлении к югу, к Черному морю Московское

правительство неотступно расширяет линию обороны, продвигает новопоселенцев, крестьян, помещиков, военных. Теперь граница продвигается через Орел до Курска, Белгорода, Воронежа. В бассейне Дона создается знаменитое Донское казачество. Доступ к самому Черному морю еще закрыт — тут господствует сильная крымско-татарская орда, степная держава, которая опирается на еще более могущественную Турцию.

Одновременно с непрерывной борьбой на юге Иван IV начинает войну за доступ к Балтийскому морю. Ливонская война (1558 — 1582) — самая продолжительная и одна из самых кровопролитных войн во всей русской истории. Ее целью было вернуть старорусские владения, отнятые в свое время захватчиками — немецким орденом. Победа над Ливонией давала также возможность русскому народу прорубить окно в Европу и принять участие в жизни западно-европейских стран.

В те же годы происходит и новопоселение по сухопутью на северо-восток в сторону Азии. Тут покровительствуемые Московским правителем богатые купцы-промышленники Строгановы разрабатывают богатства Приуралья Пермского края. С их помощью донской казак Ермак Тимофеевич переходит за Камень, т. е. за Уральский хре-

бет, и завоевывает в 1582 г. Сибирь (Сибирью назывался тогда главный город татарского ханства, расположенного в бассейне Оби и Иртыша).

Колоссальный рост Московского государства в такое короткое время, в течение 30 лет, приходится весь на царствование Ивана IV, того царя, которому народ недаром дал название Грозного, название, которое нельзя переводить так, как это сделано в заграничной — французской и немецкой — литературе, словом «страшный». Грозный, в понимании народа, значит завоеватель, великий, грозный для внешних врагов. И русский народ судил об Иване IV вернее, чем окружающая его именитая среда враждебно настроенных к нему бояр. Но эта оценка русского народа до сих пор не получила еще общего признания. Поэтому нам, историкам, нужно присмотреться более внимательно к бурным годам второй половины XVI века, оценить заслуги Ивана IV в деле создания великой русской державы и заслуги нации, во главе которой он стоял и силами которой сумел осуществить построение своей державы.

Для того, чтобы освободиться от обманчивых картин, нарисованных княжатами и их сторонниками, враждебными усилению центральной власти, для того, чтобы притти

к более верному определению исторической роли Ивана Грозного, нам необходимо прислушаться к тому, как воспринимается иностранцами быстрый рост могущества Московской державы. Нам надо выяснить, как смотрели на Москву, на восточного царя со стороны, как судили западные европейцы о новом государстве, о новой военной силе в эпоху ее первого выступления на арене всемирной истории.

Я вам приведу сейчас выдержку из переписки двух французских гуманистов Юбера Лангэ и Жана Кальвина, известного женевакого реформатора. Лангэ жил в Северной Германии, в саксонском городе Виттенберге и писал Кальвину в Женеву, бывшую центром боевого протестантизма. Письмо написано в августе 1558 г., значит, после первых побед русских в Ливонской войне, и показывает, какое сильное впечатление произвело на западно-европейское общество выступление русских, предводимых тогда совсем еще молодым Иваном IV.

Вот что пишет Лангэ: «Московский государь захватил почти всю Ливонию, взял города Нарву и Дарбат (немецкий Дерпт, русский Юрьев — Р. В.). Говорят, что совсем недавно он занял Ревель — большой приморский город с очень удобной и безопасной гаванью. В Любеке снаряжается флот

на средства саксонских городов для подания помощи ливонцам. Но это больше ничего, как подготовка легкой победы Мосхуса (так по-латыни называется московский царь. — Р. В.). Он собирает от 80 до 100 тысяч конницы (а по тогдашним расчетам — это громадная цифра, ни одно из западноевропейских государств даже отдаленно не могло мечтать о мобилизации такой массы. — Р. В.). Король Польский остается праздным зрителем этой трагедии. Но Мосхус выбьет из него эту лень, если займет Ливонию, потому что Литва, Пруссия и Самогития¹⁾ граничат с ней. Да и не похоже, чтобы властитель московский успокоился. Ему 28 лет, он с малого возраста упражнялся в оружии. В недавнее время он жестоко напал на Шведского короля, который только ценою больших денег смог купить себе мир. Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой».

Я вас прошу вслушаться внимательно в смысл и даже в самые звуки последней фразы. Ведь эти слова как будто выгравированы на монументе, который умным и пронзительным западно-европейским гуманистом

¹⁾ Самогития (Жмудь) — название страны между низовьями Немана и Виндавой.

поставлен русскому народу на 4 века вперед до наших дней.

Теперь я приведу вам еще суждение о подъеме Московской державы в середине XVI века, которое высказывает другой современник эпохи Ивана Грозного, немного только позднее. Я имею в виду выдающегося французского историка де Ту, или Туануса, как он себя зовет по-латыни. В своей «Всемирной истории» де Ту дает следующую характеристику Ивана Грозного: «Государь, столь же счастливый и храбрый, как его отцы, который, вдобавок, соединяя храбрость и тонкий расчет с суровой дисциплиной в военном деле, не только сохранил обширное государство, оставленное его отцом Василием, но сумел далеко раздвинуть его границы. Завоевания Ивана IV дошли до Каспийского моря и царства Персидского. Этот царь знаменит великими делами». Затем де Ту рассказывает о системе управления Московской державой, о необыкновенной дисциплине Московского воинства, и вот какие слова к этому добавляет:

«Нет государя, которого бы более любили, которому бы служили более ревностно и верно. Добрые государи, которые обращаются со своими народами мягко и человечно, не встречают более чистой привязанности, чем он».

Тогдашние западно-европейские правительства XVI века могли бы позавидовать организации порядка управления в Московском государстве, где центральная власть связала право владения землей, — как поместьями, так и вотчинами, — с непреклонным требованием выполнения непрерывной службы, где все военнообязанные должны были во всякую минуту быть готовыми к отправлению в далекий путь, к исполнению любого поручения.

Об этой удивительной для иностранцев организации, об устройстве обязанных службой землевладельцах повествует нам с наивным восторгом Ченслер — первый из тех англичан, которые дали нам описание московских нравов. Вот что он говорит на своеобразном своем языке:

«Пусть подумают, как легко здесь найти поместье или землю, как много есть людей, обязанных снаряжаться во всякую войну во владениях государя. В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти по требованию государя, солдат или работник, со всеми необходимыми принадлежностями».

«Если помещик, — рассказывает Ченслер, — умрет без мужских потомков, имение его отбирается. Если донесут об увечности или неспособности помещика к несению службы, и розыск установит правильность

днесения, поместье отбирается у него за исключением малой доли на прокормление увечного и его жены; и он не смеет жаловаться, нет, он должен сказать, что ничего не имеет. Говорят, что в этом царстве всякий отдает на волю и распоряжение государю имение, которое он накапливал и возделывал всю жизнь. Русские не могут сказать, как говорят ленивцы в Англии: я найду королеву (Елизавете) человека служить вместо себя, или проживать с друзьями дома, если у него есть достаточно денег. Нет, это невозможно в здешней стране. Русские должны подавать униженные челобитные о принятии их на службу. Чем чаще кто посылается на войну, тем в большей милости у государя он себя считает».

Ченслер выводит общее заключение, в котором сквозит восхищение военной мощью Московской державы: «если бы русские знали свои силы, то никто не мог бы бороться с ними, а от соседей сохранились бы только остатки».

Если и есть некоторое преувеличение в словах оборотах отзыва Ченслера, то в целом это суждение для нас чрезвычайно ценно. Иностранец, посторонний зритель увидел и отчетливо отметил особенности военной системы, сложившейся на европейско-азиатском востоке, но он не понял и не мог по-

нять, так же как и другие западно-европейские наблюдатели, внутренних, более глубоких исторических причин эволюции Московской державы, московских административных порядков. Тайна этой эволюции оставалась неразъясненной в нашей дореволюционной историографии.

Только в гениальной формуле, данной товарищем Сталиным, находим мы объяснение факта образования в России централизованного многонационального государства. « . . . Интересы обороны . . . требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»,—говорит товарищ Сталин¹⁾.

«В России роль объединителя национальностей,—несколько ранее указывал товарищ Сталин,—взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»²⁾. Здесь все сказано. Обороноспособность, устремленность к объединению, сосредоточенность военно-административной системы—вот те особенности, которые выработала в русском государстве его история.

¹⁾ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М. Партиздат. 1934, стр. 73.

²⁾ Там же, стр. 10

Таков факт, внешние симптомы которого постоянно вызывали внимание иностранцев, посещавших Москву или писавших о военных выступлениях русских. Русских историков XIX века можно упрекнуть в том, что они не оценили по достоинству искусство Московского правительства в выработке центральных органов военно-хозяйственной системы, той системы, которая лежала в основе великой Московской державы. Они как будто готовы были постоянно извиняться перед Западной Европой за отсталость, например, московских приказов, за разброшенность их делопроизводства, за их нескладность в сравнении с отчетливыми, как казалось, формами западно-европейских канцелярий и министерств. Такое огульно-обрицательное отношение к учреждениям нашей старины ничем не обосновано.

Замечу только, что Московский Разрядный приказ, или Большой Разряд, который вел все военно-финансовые дела, который контролировал вознаграждения и хозяйственное устройство военнослуживых людей XVI века, был оригинальнейшим учреждением своего времени, отличавшимся четкостью и разносторонностью своей деятельности.

Ошибка историков дореволюционного периода заключалась не только в том, что они недооценивали значения военной орга-

низации, основанной Иваном III и усовершенствованной Иваном IV, но и в том, что они не замечали могущественного подъема русского народа, во главе которого стояли эти два гениальных правителя. То, что де Ту на своем придворном, учтивом языке называет привязанностью подданных к государю, то в Московском государстве было приверженностью народа к родной земле, было традицией старинной военной доблести и дисциплины, выросшей на самообороне.

Об этих качествах русского народа нам говорит опять иностранец. И свидетельство, которое я вам приведу, особенно ценно потому, что этот иностранец — ярый враг Ивана IV и русских того времени. Я вам хочу привести отрывок из сочинения ревельского летописца, немецкого ученого пастора Бальтазара Руссова, который дает характеристику стойкости русского солдата по сравнению с немецким: «Русские в крепостях являются сильными военными людьми. Происходит это от следующих причин: во-первых, русские — работающий народ: русский в случае надобности неутомим во всякой опасности и тяжелой работе, днем и ночью, во-вторых, русский с юности привык поститься и обходится скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить этим, а не-

мен не может; в-третьих, если русские добровольно сдают крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться на своей земле, так как их умерщвляют с позором, в чужих же землях они держатся в крепостях до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под коновозом в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где ни жить, была бы только возможность наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но и смертным грехом сдать крепость».

Иван Грозный — один из крупнейших военных вождей в русской истории. Он стоит последним в ряду великих предшественников, выдающихся полководцев и организаторов русского народа в период освобождения от монгольского ига — Александра Невского, Дмитрия Донского и Ивана III.

Нужно ли вам говорить о тесном взаимодействии, об органической связи между вождем и воинством, которое он ведет. Только военнспособный народ, каким по преимуществу был и есть русский народ, мог выдвинуть из своей среды великих вождей, и только с военноодаренным русским народом могли и могут гениальные вожди совершать свои подвиги.

Организации армии, укреплению в ней па-

триотического духа Иван Грозный уделял большое внимание, выполняя в этом отношении завет, данный ему блестящим публицистом XVI века идеологом служилого дворянства Иваном Пересветовым, в знаменитой «Челобитной» которого мы находим такие слова: «Царь должен больше всего любить свое войско».

О том, какие чувства взаимной привязанности соединяли воинство и его вождя, говорит одно замечательное место в завещании детям, которое составил Иван Грозный около 1572 года. В словах, которые я сейчас приведу, заключается также и опровержение взгляда на Грозного, как на безрассудного тирана. Как будто бы в ожидании того, что после смерти его будут обвинять в совершении несправедливых расправ и будут нападать на его любимое детище, дорогое ему воинство, он пишет в завещании: «А сами живите в любви, а воинству поелико возможно, навькните. А как людей держати и от них беречися и во всем умети их присвоивати, вы бы к тому навькли же, а людей есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили их, ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было и они прямее вам служили, а которые лихи и вы бы на них опалы клали не вскоре, — по рассуждению, не яростно».

Если было правильно назвать Ивана Грозного последним из правителей, создавших Московскую державу, то, с другой стороны, мы вправе обозначить его политику, как начало России будущего, а его достижения — как открытие широкого простора всемирных сношений. Он первый ставит на очередь цель «прорубить окно в Европу».

В этом смысле Ливонская война есть дело его жизни, за которое он борется, несмотря на все препятствия, на подавляющую массу своих противников как внешних, так и внутренних. Правда, идея этой войны завещана Москве его предшественником — Иваном III, но по решимости начать войну за подступы к морю, по систематичности ее подготовки, по настойчивости ее ведения, война эта есть целиком жизненная задача, беззаветное увлечение Ивана Грозного.

В тесной связи с военным дарованием Грозного находится его дипломатический талант, который недостаточно оценен до сих пор. Иван Грозный — блестяще одаренный дипломат — сам сознавал свое мастерство в этой области. Он очень любил лично вести переговоры с послами, произносить целые монологи с историческими и юридическими ссылками. Помимо того, что он владел в совершенстве словесной техникой дипломатического дела, он был бесконечно

изобретателен в своих комбинациях и искусно выходил из самых запутанных и тяжелых положений. А затем, самое-то главное, — он не был только виртуозом на своем инструменте, его дипломатия основывалась на величественном замысле объединения всея Руси, всех русских земель. Значит, это была мысль державно-политическая, и в этом-то и заключена была сущность внешней политики Грозного.

В согласии с таким политическим идеалом Ливонская война не является войной захватнической, а войной справедливой. Она есть возвращение русскому народу его «отчины и дедины», как тогда говорили.

Вот вам наглядное выражение этого мировоззрения: в 1554 году, за 4 года до начала войны, окольныйчий¹⁾ Адашев и дьяк²⁾ Михайлов, вооруженные документами старинной московской дипломатии, говорили посольству, прибывшему из Ливонии: «удивительно, как вы не хотите знать, что ваши предки пришли в Ливонию из-за моря, вторгнулись в вотчину великих князей

¹⁾ Окольныйчий — второй после бояр думный чин. Окольныйчи назначались судьями в приказы, воеводами в города, представляли царю иностранных послов.

²⁾ Дьяк — видный чиновник Московского государства, игравший руководящую роль в приказах и в местном управлении.

русских, за что много крови проливалось. Не желая видеть пролитие крови христианской, предки государя позволили немцам жить в занятых вами землях, но с тем условием, чтобы они платили дань великим князьям. Они обещание свое нарушили, дань не платили, так теперь должны заплатить все недоимки».

Начавшаяся через 4 года после этого заявления война рассматривалась как восстановление старинного права, исконной зависимости Ливонии от Руси.

Дипломаты московские, во главе их сам царь Иван IV, были превосходно осведомлены в архивной науке, в летописях, в народных преданиях. Они применяли свою собственную историческую терминологию, они восстанавливали всюду местные названия — старорусские, ливские, эстонские и латышские. Так, они называли Дерпт—Юрьевым, Ревель — Колыванью, Венден — Кесью (по-латышски Кесис), Мариенбург — Алыстом (по-латышски Алуксне); иные названия переводили на русский язык: Вейсенштейн превратился у них в Белый Камень, Нейхауз — Новгородок, Зесвеген проносили Чиствин, Розиттен — Режица, Лудзен — Лужи.

В 1564 году в походе под личным предводительством царя был взят Полоцк — круп-

нейший город Белоруссии. Это был чрезвычайно важный шаг отвоевания у Польши Ливонии. У врага отнимался путь по Западной Двине, открывавший выход к морю, но в руках Польши еще оставалась Рига — последняя застава на этом пути. Испуганный успехами русских, Сигизмунд II готов был уступить Нарву, да и Полоцк, но предлагал раздел Ливонии с удержанием в своих руках Риги.

Царь Иван IV хотел знать по этому поводу мнение различных слоев русского общества и особенно — каково расположение его войска. В 1566 году он созвал собрание, на которое, кроме церковного собора и боярской думы, впервые были приглашены и представители служилого дворянства, а также крупного купечества. Это собрание выказалось в пользу настойчивого продолжения войны за всю Ливонию.

Собрание 1566 года считается первым Земским Собором в русской истории. Созыв его — чрезвычайно искусный ход политики Ивана IV; царь удовлетворял стремление воинства участвовать в политических делах, чем закреплял за собой поддержку рядового дворянства, среднего и мелкого, против аристократического боярства. Вместе с тем Иван создал себе блестящее положение во внешней политике! Отправив в Литву пол-

номочного посла — Умного Колычева — с решительным отказом мириться без уступки Москве всей Ливонии, русский царь выступил, окруженный славой популярного государя, который только что удостоверялся в единодушии своей армии и своего народа. Мог ли его противник Сигизмунд II со своим тяжелым на подъем многоречивым сеймом противопоставить что-нибудь даже отдаленно похожее на русское единодушие? Напомню вам, что собиравшееся на сеймы шляхетство как раз в это время, в отличие от вооруженного дисциплинированного Московского дворянства, перестало быть воинством, сделало своей привилегией освобождение от военной службы.

К концу 60-х годов международное положение, которое было так благоприятно Москве в начале Ливонской войны, сильно ухудшилось. Швеция, которая была отвлечена Семилетней войной с Данией (1560—1567), помирилась со своим скандинавским противником и выступила как претендент на Ревель и северную Ливонию, как новый открытый враг Ивана IV. Сигизмунд II заключил в 1569 году в Люблине унию Польши с Литвой, сплотил таким образом силы своего государства, увеличив давление на русские войска, которые оперировали по Двине, в южной части Ливонии. Вместе с тем

росла угроза на юге со стороны Крыма, где хан Девлет-Гирей подготовлял нашествие на Москву, опираясь при этом на поддержку Турции, которая в свою очередь собралась походом на Астрахань.

С возрастанием этих опасностей война с Ливонией, без того трудная, превратилась в борьбу за существование самой Московской державы. В эти годы тяжелых испытаний извне происходят и бурные столкновения внутри государства. На четырехлетие с 1567 по 1571 год приходятся многочисленные опалы и казни, в которых историки, враждебные памяти Ивана Грозного, не видели ничего другого как произвол и жестокость капризного тирана. Они настаивают на актах убийства множества совершенно невинных людей, как, например, митрополита Филиппа, погибшего якобы лишь потому, что он заступался за опальных бояр, или как кровавая расправа с Новгородом в 1570 г., которая изображается, как истребление царем своих ни в чем неповинных подданных.

Историк, который захочет быть беспристрастным, признает, что за указанное четырехлетие количество казней, опал и расправ действительно было исключительно велико, но тут же поставит вопрос: на кого же именно пала немилость Ивана IV, какие преступления ставились в вину преследуе-

мым лицам? Почему Иван Грозный вел такую отчаянную борьбу на все стороны? Почему у него оказалось так много внутренних врагов, и кто они были по своему общественному положению, каковы были их политические взгляды?

На эти вопросы дают ответ, впервые, можно сказать, два документа, опубликованные в самое последнее время — в 1924 и 1934 гг. и раньше историкам неизвестные. Я разумею «Записки о Московии» немца-опричника Генриха Штадена и «Сказание» Шлихтинга, служившего переводчиком у придворного врача — бельгийца Альберта. Оба автора, безусловно, враждебны Ивану Грозному, но тем не менее из их рассказов выясняется, какой великой опасности подвергался царь Московский вместе с предводимым им народом.

Вырисовывается следующая картина, исполненная напряженного драматизма. В 1567 г. готовился крупнейший заговор на жизнь царя Ивана IV. Соединилась в нем большая часть богатейших и знатнейших бояр вместе с представителями высшего духовенства в Москве и Новгороде — тогда очень большом и важном населенном пункте. Заговорщики собирались убить Ивана IV и посадить на престол его слабоумного двоюродного брата — Владимира Андреевича

Старицкого, который готов был удовлетворить все классовые притязания закосневшей своекорыстной аристократии.

Самое худшее заключалось в том, что с реакционно-политическим замыслом соединялась измена родине и своему народу. Заговорщики вели переговоры с польским королем Сигизмундом II об уступке ему территорий Московской державы, об открытии ему границы для нападения на Москву, причем это нападение комбинировалось с предполагаемым нашествием Крымского хана. Митрополит Филипп, из знатного рода бояр Кольчевых, не мог не знать о заговоре. А что касается Новгорода, то он, как пограничный город, был важнейшей опорой с гнездом заговорщиков.

Раскрылся заговор случайно, в результате предательства Владимира Андреевича, который, однако, не спас этим жизни своей. В свое время сыскное дело по заговору пропало, вероятно, не без участия боярства, сочувствовавшего казненным заговорщикам; не сохранилось никаких сведений о нем в летописях, усердно скрывавших этот невыгодный для оппозиции факт, но тайну заговора выболтали иностранцы, которые под личиной службы царю злорадно следили за всеми перепетиями измены.

Таким образом, накопление погромов,

казней и убийств в течение четырех лет от 1567 до 1571 года не было проявлением личных капризов царя; это была борьба с изменниками, борьба, в которой для Ивана Грозного защита своей жизни неразрывно сплеталась с обороной своей державы, своей страны, своего народа.

В характере Ивана Грозного болезненная подозрительность, вызванная интригами врагов, сплетается с чрезмерной доверчивостью. Эта доверчивость проявляется прежде всего по отношению к гвардии опричников, созданной царем для борьбы с реакционным боярством, и в недостаточном внимании к опасности, грозившей ему со стороны реакционной оппозиции, которую он не только не преувеличивал, а скорее недооценивал.

О том, как далеко могло заходить заблуждение Ивана Грозного и его доверчивость, в особенности по отношению к иностранцам, которых он так ценил, дают яркое представление «Записки о Московии» Штадена, немца-опричника, который оказался необычайно ловким разведчиком, предателем и вдобавок автором плана большой немецкой агрессии на Москву.

Записки Штадена о Московии заслуживают во всех отношениях полного нашего внимания. Прочитайте этот документ и еще

раз перечтите его. Он имеется в доступном нам превосходном переводе с комментариями проф. И. И. Полосина. Из всех сказаний иностранцев о великой Московской державе XVI века это произведение можно признать, пожалуй, самым содержательным, самым ярким. Но надо заранее предупредить: разносторонняя осведомленность Штадена, как географа, этнографа, финансиста, сельского хозяина, бытописателя, его удивительные способности к языкам, к дипломатии, светскому обращению соединяются с исключительной подлостью его натуры.

Штаден сам дает себе косвенную характеристику в одном месте своего произведения; он как бы причисляет себя к тем искателям приключений, которые готовы, как он говорит, служить в любой стране любому правителю, причем способны «ничего не оставлять в христианском мире, ни кола, ни двора». Он откровенно смотрит на себя, как на одного из «побирох», которые «шатаются по христианскому миру, причем некоторые из них поворовывают, за что кое-кого и вешают».

Последней участи Штаден счастливо избег. Он прослужил 5—6 лет в опричнине, участвовал в походе на Новгород, причем самостоятельно делал набеги на мирное население; затем перебрался на север в По-

морье, где занялся торговым делом, вернее бессовестными спекуляциями. Вообще его служба составляет непрерывную цепь интриг и насилий, крупных грабительских предприятий и нечистой наживы. В 1576 г. он бежал незаметно через Колу из пределов Московского государства. Через 2 года он представил императору Рудольфу II проект завоевания Москвы с севера. Этот проект важен историку для определения и оценки того положения, в котором находилась Московская держава после 20 лет изнурительной, поглощавшей все силы войны с Ливонией.

Штаден почувствовал возможность катастрофы крайне ослабленного государства и на этой основе дает свой проект его завоевания. Он набрасывает широкий план высадки немецких войск на Мурманском берегу и затем наступления их со стороны совершенно незащищенного Поморья. Он старается увлечь императора и немецких князей походом, который обещает легкую победу и неслыханно обильную добычу. Он неистощим в описании богатств Московии. Он убежден в бессилии восточного великого князя (царем он его не хочет называть из презрения), который «теперь не может устоять в открытом поле ни перед кем из государей».

В каком-то диком восторге он восклицает: «Отправляйся и грабь Александрову слободу. Занять ее нужно с отрядом в 2 тысячи человек. За ней грабь Троицкий монастырь. Его надо занять с отрядом в 1 тысячу человек — наполовину пеших, наполовину конных». Штаден воображает, что простых воинов можно через какого-нибудь пленника убедить в великой тирании Ивана IV, а более видных служилых людей — можно привлечь на немецкую службу, предложив им принести свои грамоты на поместья. Затем он прибавляет: «Я твердо убежден, что кровопролитие будет излишним. Войско великого князя не в состоянии более выдержать битву в открытом поле».

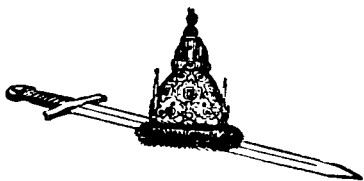
В фашистской Германии записки Штадена, открытые в начале 20-х годов нашего века, имели необычайный успех. Немецкая наука, поработанная фашизмом, пыталась использовать проект немца-опричника XVI века, как обвинительный акт против русского народа, как исторически обоснованное предисловие к замышляемому походу на Советский Союз.

С каким увлечением читала фашистски настроенная публика заголовок Штаденевского проекта: «План обращения Московии в имперскую провинцию»! С каким захлебывающимся восторгом воспринимала эта публика призыв Штадена к разорению рус-

ской земли: «Города и деревни должны стать свободной добычей нашего солдата!»! С какой жадностью внимала эта публика всем насмешкам немца-опричника над русским народом! Записки Штадена стали в фашистской Германии пророчеством и программой будущего.

Возобновленный при помощи Штадена злостный миф о неспособности русского народа защищать свою родину опровергнут Великой Отечественной войной, развеян по ветру бойцами Красной Армии.

Советская историческая наука восстановила подлинный образ Ивана IV, как создателя централизованного государства и крупнейшего политического деятеля своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бахрушин С. В. Иван Грозный. М. Госполитиздат. 1942. 76 стр.

Белинский В. Г. Русская история Н. Полевого. В кн.: Белинский В. Г. Сочинения. Под ред. С. А. Венгерова. Т. II. СПб. 1900, ст. 441—446.

В рецензии В. Г. Белинского на книгу Н. Полевого «Русская история» дана характеристика Ивана IV.

Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.—Л. Акад. наук СССР. 1944. 159 стр. (Научно-попул. серия).

История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. В. А. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М. Соцэкгиз. 1939. 792 стр. (Ин-т истории АН СССР и кафедра истории СССР истфака МГУ).

Костылев В. Иван Грозный. Журн. «Октябрь», 1942. №№ 5—6, 7 и 8. Отдельное издание: М. Гослитиздат. 1944. 376 стр.

Толстой А. Н. Иван Грозный. Драм. повесть в 2-х частях. Журн. «Октябрь». 1943. № 11—12, стр. 5—70. Отдельное издание: М. «Сов. писатель». 1945. 152 стр.

Эйзенштейн С. М. Иван Грозный (Киносценарий). Журн. «Новый мир». 1943. № 10—11, стр. 61—102. Отдельное издание: М. Госкиноиздат. 1944. 190 стр.

Хазин Е. Иван Грозный. М. Журн. «Знамя». 1941. № 5, стр. 181—215.

Адрес издательства: Москва, пр. Серова 3/4, Политехнический музей, подъезд 8, ком. 4. Тел. К-4-61-76.

Редактор *И. А. Блинков* Техред *Е. Н. Пергаменщик*

Л 88319. Сдано в пр. 22/III 1945. Подп. к печ. 14/VI 1945
Печ. л. 1. Уч.-изд. л. 1. Зак. 806. В 1 п. л. зн. 60.000
Форм. бум. 60×92/32 Цена 1 р. 50 к. Тираж 10.000

Типография Управления Делами СНК СССР

Цена 1 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БИБЛИОТЕЧНО - БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ СОВНАРКОМЕ РСФСР

В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРУ

Вышли из печати

ЕГОЛИН А. М. Н. А. Некрасов.

ОПАРИН А. И., член-корр. Академии наук СССР
Происхождение жизни на Земле.

Готовятся к печати

ВАЛЬДГАРД С. Л. Как устроена Вселенная.

**ВАЛЬДГАРД С. Л. Было ли начало и будет ли
конец мира.**

ВОЙНИЛОВИЧ П. В. Солнце и Земля.

ПОТЕМКИН М. П. Погода и ее предсказание.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вышли из печати

**БУГОСЛАВСКАЯ Н. Я. Как наблюдать солнечное
затмение.**
